

Европейский союз и «Группа восьми»

Совместная
ответственность
за глобальное
общественное
благо

Издательский дом
Государственного университета
Высшей школы экономики

Москва, 2011

УДК 339.923:061.1EU

ББК 65.9(4)

E24

Авторский коллектив:

О.Н. Барабанов, В.Н. Зуев, В.А. Картамышев, Дж.Дж. Киртон, М.В. Ларионова,
С.А. Медведев, В.В. Панова, М.Р. Рахмангулов, И.А. Томашов, П.И. Хайнал, М.Л. Энтин

Ответственный редактор

М.В. Ларионова

Европейский союз и «Группа восьми»: совместная ответственность за глобальное общественное благо : коллективная монография [Текст] / О. Н. Барабанов, В. Н. Зуев, В. А. Картамышев и др. ; отв. ред. М. В. Ларионова ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – 416 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-0726-1 (в обл.)

Коллективная монография представляет результаты исследовательского проекта, осуществленного при поддержке Европейской комиссии в рамках Программы «Жан Моне» в 2009 г.

В работе отражена динамика роли ЕС в процессах глобального управления, представлен анализ методов, на которые опирается ЕС для достижения своих целей, моделей формирования международных партнерств. Особое внимание уделяется анализу роли и влияния ЕС в «Группе семи/восьми» в последние десять лет, в том числе в результате увеличивающегося объема компетенций и правовых полномочий ЕС в сфере общей внешней политики и политики безопасности. Приверженность Европейского Сообщества и Европейского союза эффективному многостороннему сотрудничеству является важной чертой развития Сообщества с начала 1970-х годов. Она обеспечила членство ЕС в «Группе семи/восьми» в 1977 г. Принимая во внимание уникальную формулу участия ЕС и растущую значимость ЕС в форуме, «Группа семи/восьми» является прекрасным примером для исследования трансформации роли ЕС на международной арене. Роль ЕС в «Группе восьми» пока не изучена в достаточной степени, хотя и существует ряд работ, таких как «Достижение зрелости: Европейское сообщество и Экономический саммит» Сьюзан Хейнсворт (1990) и «Управление “Группы восьми”» Хайди Ульрих и Алена Доннели, рассматривающих растущую вовлеченность и влияние ЕС на результаты саммита в период с первых лет проведения экономических саммитов до конца 1980-х и 1990-х годов. Однако за последнее десятилетие в ЕС, включающем в настоящий момент 27 стран-членов, произошли структурные и институциональные изменения, усиливающие его влияние и легитимность. В монографии прослеживается трансформация идентичности ЕС как глобального актора на протяжении последних десяти лет, дается оценка значения этих изменений для отношений России и ЕС.

Книга может быть рекомендована для использования в качестве учебного пособия для студентов вузов, изучающих международные отношения и деятельность международных организаций, процессы глобализации и интеграции. Книга также может быть рекомендована всем интересующимся проблемами мировой политики.

УДК 339.923:061.1EU

ББК 65.9(4)

Монография подготовлена в рамках проекта «Европейский союз как коллективный актер в международном пространстве: европейский путь создания глобального общественного блага на основе формирования многосторонних партнерств и опоры на международные институты», осуществленного при финансовой поддержке Европейской комиссии в рамках Программы «Жан Моне» по направлению «Исследовательская и информационная деятельность» в 2009 г.

ISBN 978-5-7598-0726-1

© ИМОМС Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2011

© Оформление. Издательский дом
Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2011

Содержание

Предисловие.....	5
------------------	---

Введение

Глава 1. Европейский союз как коллективный актер в международном пространстве: европейский путь создания глобального общественного блага на основе формирования многосторонних партнерств и опоры на международные институты	7
--	---

Часть I. Определение теоретических подходов

Глава 2. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы	15
Глава 3. Основные концепции изучения роли Европейского союза в «Группе восьми»	30
Глава 4. Концепция глобальных общественных благ	45
Глава 5. Методология исследования роли Европейского союза как коллективного участника процессов глобального управления.....	59

Часть II. Ключевые участники

Глава 6. Система «Группы семи/восьми» и глобальное управление.....	73
Глава 7. «Группа восьми»: модели реформирования и возможности для трансформации роли Европейского союза	100
Глава 8. Европейский союз как один из ведущих международных игроков	120
Глава 9. «Группа двадцати» и Европейский союз.....	157

Часть III. Модели взаимодействия в ключевых сферах политики

Глава 10. «Группа семи/восьми» и вопросы изменения климата и энергетики.....	199
Глава 11. Роль «Группы восьми» в преодолении и управлении финансовым кризисом.....	233

Глава 12. Политика Европейского союза по содействию развитию в контексте исполнения обязательств «Группы восьми»	261
Глава 13. Безопасность как общественное благо: повестка дня для Европейского союза и «Группы восьми»	283
Глава 14. Знание и образование как глобальные общественные блага	291

Часть IV. Динамика лидерства и моделей партнерства

Глава 15. Механизм Европейского союза как модель функционирования глобальных институтов	299
Глава 16. Европейский союз как коллективный член «Группы восьми». Приоритеты, функции, ценности....	308

Заключение

Глава 17. «Группа восьми» и Европейский союз в моделях будущего развития мира	356
Библиография и список источников.....	375
Список сокращений.....	399
Список приложений	402
Список таблиц.....	404
Список рисунков.....	405
Сведения об авторах.....	408
Executive Summary	410

Предисловие

Монография «Европейский союз и “Группа восьми”»: совместная ответственность за глобальное общественное благо» отражает результаты исследования динамики участия ЕС как коллективного члена в «Группе восьми» и «Группе двадцати», внешних и внутрисистемных факторов, влияющих на характер, специфику и результаты участия, возможных направлений реформирования институтов и новых направлений сотрудничества и взаимодействия с другими участниками глобального управления, а также будущей роли ЕС в новой системе институтов глобального управления.

Исследование выполнено в рамках проекта «Европейский союз как коллективный актор в международном пространстве: европейский путь создания глобального общественного блага на основе формирования многосторонних партнерств и опоры на международные институты», осуществленного при поддержке программы Европейской комиссии «Жан Моне» по направлению «Исследовательская и информационная деятельность», и благодаря научной преданности ученых и исследователей из Института международных организаций и международного сотрудничества Государственного университета – Высшей школы экономики, Московского государственного института (университета) международных отношений при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, Центра исследований международных отношений Манка Университета Торонто (Канада), Королевского института международных отношений Королевства Бельгии.

Авторы монографии выражают благодарность студентам и сотрудникам Государственного университета – Высшей школы экономики и Московского государственного института (университета) международных отношений при МИД РФ в Москве, Исследовательского центра «Группы восьми» Университета Торонто. Авторы выражают признательность Юрию Зайцеву, стажеру-исследователю Информационно-аналитического центра по сотрудничеству с «Группой восьми» Института международных организаций и международного сотрудничества Государственного университета – Высшей школы экономики, Дарье Фроловой и Екатерине Прохоровой, студенткам факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета – Высшей школы экономики, за вклад в создание и формирование структурированной аналитической базы документов ЕС и «Группы восьми». Особые слова благодарности авторы хотели бы адресовать программисту Александру Гречкину, прет-

ворившему в жизнь идею создания специализированной базы данных документов и программного обеспечения для функционального анализа данных, примененного в ходе исследования.

Авторы благодарны Ольге Перфильевой, заместителю директора Информационно-аналитического центра по сотрудничеству с «Группой восьми» Института международных организаций и международного сотрудничества Государственного университета – Высшей школы экономики, за подготовку интегрированного текста монографии и сопровождение на протяжении всего периода работы над монографией.

Авторы признательны своим коллегам – Жаклин Гувер из Лондонского королевского колледжа и профессору Свену Бископу из Королевского института международных отношений Бельгии за содержательные и полезные комментарии в ходе анализа общеевропейской политики ЕС в сфере безопасности и других сферах. А также профессору Танги де Вильд, директору кафедры Инбев-Бале Лятур, президенту департамента политических наук Католического университета Левена (Левен-ля-Нёв), профессору Винсену Дужардан, президенту Института европейских исследований Католического университета Левена (Левен-ля-Нёв), Летисии Спетчински, исследователю-ассистенту Института европейских исследований Католического университета Левена (Левен-ля-Нёв) за организационную и научную поддержку стажировки м.н.с Института международных организаций и международного сотрудничества Государственного университета – Высшей школы экономики Арины Шадриковой на кафедре Инбев-Бале Лятур и в Институте европейских исследований в Католическом университете Левена (Левен-ля-Нёв), что сделало возможным выполнение работы по анализу стратегии безопасности ЕС в рамках представляемого исследования.

Главный редактор искреннее признателен коллегам из Института международных организаций и международного сотрудничества Государственного университета – Высшей школы экономики за вдохновение, поддержку и помощь в работе над монографией, и программе Европейской комиссии «Жан Моне» за поддержку проекта, важного для современной теории международных отношений и глобального управления как в России, так и за рубежом.

М.В. Ларионова

Введение

Глава 1

Европейский союз как коллективный актер в международном пространстве: европейский путь создания глобального общественного блага на основе формирования многосторонних партнерств и опоры на международные институты

Монография обращается к изучению динамики роли Европейского союза (ЕС) в процессах глобального управления, рассмотрению методов и инструментов, используемых ЕС для достижения своих целей в международном пространстве, а также моделей и подходов к формированию многосторонних партнерств для создания глобального общественного блага. Особое внимание уделяется роли и влиянию ЕС в системе «Группы семи/восьми», значительно возросшим за последние 10 лет, а также увеличивающемуся объему компетенций и правовых полномочий ЕС как сфере исследования, до недавнего времени не получавшей должного внимания и комплексной разработки. Прослеживается трансформация идентичности ЕС как глобального актора за последнее десятилетие, оценивается воздействие подобных изменений на общее состояние отношений между Россией и Европейским союзом.

Исследование основано на системном анализе документов институтов ЕС и «Группы восьми». Для оценки эффективности международных институтов в глобальном управлении в качестве метода исследования была применена функциональная аналитическая парадигма. Использование функциональной аналитической парадигмы позволяет оценить вклад ЕС в реализацию основных функций

глобального управления: политическое управление на национальном уровне (на уровне Сообществ), обсуждение, определение направлений дальнейших действий, принятие решений, реализация решений и развитие глобального управления.

Первая часть содержит аналитические подходы к изучению роли ЕС как коллективного участника процессов глобального управления. Глава 2 (О.Н. Барабанов) посвящена анализу позиций основных теоретических школ по вопросу о глобальном управлении. Рассматриваются становление и эволюция термина «глобальное управление» в теории международных отношений. Сопоставляется подход к глобальному управлению со стороны школ реализма и неолиберализма. Анализируется проблема государственного суверенитета в контексте идей глобального управления. Отдельное внимание уделено проблеме глобального управления с точки зрения функционалистского подхода.

В главе 3 (Дж.Дж. Киртон) описываются главные концепции глобального управления, присутствующие в теории международных отношений. Последовательно раскрываются возможности современных концепций теории международных отношений, прежде всего концепции «мягкой силы» и «мягкого права», для изучения динамики взаимоотношений Европейского союза и «Группы восьми». Данные институты сопоставляются с точки зрения ключевого критерия концепции «мягкой силы» и «мягкого права» и лежащих в основе принципов членства, ценностей, консенсуса и согласия. Кроме того, в главе 3 анализируются другие концепции глобального управления, представлен авторский подход к их иерархии. Концепция демократического концерта, концепция уязвимости и шоков, а также понятия глобализации, сложных адаптивных систем, многосторонних систем и сетей глобального управления рассматриваются как важные для глубокого понимания настоящей и будущей роли ЕС в «Группе восьми».

В главе 4 (С.А. Медведев, И.А. Томашов) раскрываются понятия глобального общественного блага и глобального общественного зла как результатов глобализации. Исходя из рассмотрения истории «глобализации» общественных благ, предлагаются их различные типологии и механизмы решения проблемы коллективных действий в глобальном масштабе.

В главе 5 (М.В. Ларионова) представлена методология, разработанная для проведения исследования роли Европейского союза как коллективного участника процессов глобального управления. В качестве аналитической парадигмы был адаптирован функциональный подход, предложенный Дж. Киртоном для оценки деятельности «Группы семи/восьми» и ее роли в глобальном управлении. Используя этот подход, исследователи предприняли попытку проанализировать и измерить вклад ЕС в реализацию основных функций глобального управления: политическое управление на национальном уровне, обсуждение, определение направлений дальнейших действий, принятие решений, реализация решений и развитие глобального управления. Перечисленные функции были адаптированы для того, чтобы отразить особый характер ЕС как коллективного члена «Группы восьми».

Вторая часть монографии посвящена изучению процессов трансформации системы «Группы семи/восьми», эволюции роли ЕС как ключевого игрока и появлению «Группы двадцати» как нового форума лидеров. Во всех главах ЕС рассматривается как участник международных институтов, анализируется его роль в институциональных изменениях, произошедших в последнее десятилетие.

В главе 6 (Дж. Дж. Киртон) рассматриваются ключевые характеристики, цели и задачи, потенциал и способности к управлению «Группы восьми», на основании которых автор дает оценку тому, как и насколько изменения в ходе расширения круга партнеров «Группы восьми», усилившиеся интенсивность и структурированность работы, а также укрепившиеся связи с бизнесом и гражданским обществом позволили улучшить деятельность «восьмерки» в прошлом и будут способствовать этому в будущем. Показано, что со времени создания в 1975 г. «Группа восьми» как современный «демократический концерт» выполняет свою главную цель – осуществление глобальной демократической революции и обеспечение внутривнутриполитического управления, анализ, определение ключевых направлений, принятие решений и их исполнение, становление нового поколения глобального управления для себя и для мира в целом. На основе детального анализа процесса расширения членства клуба, в том числе включения России в качестве полноправного члена, а также ряда многосторонних организаций и стремительно развивающихся региональных держав в качестве участников ежегодных саммитов и иных

встреч, последовательно доказывается способность «Группы восьми» к сохранению господствующего положения в системе глобального управления на протяжении всего периода существования, ее потенциал в решении многих глобальных проблем современности за счет способности укрепления внутренней структуры через развитие различных механизмов и форматов встреч министерского и других уровней.

В главе 7 (П.И. Хайнал, В.В. Панова) анализируются предложения по реформе «Группы восьми» начиная с 1998 г. Рассматриваются и предложения по реформированию данного института, и те реформы, которые были проведены или находятся в стадии реализации. Особое внимание уделяется эволюционирующей «пятерке», Хайлигендаммскому процессу (ХП), странам БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), встречам крупнейших экономик и «двадцаткам», а также отношению «Группы восьми» к этим структурам, равно как и взаимоотношениям ЕС – «Группа восьми». В заключение предлагаются возможные сценарии дальнейших реформ «Группы восьми».

В главе 8 (М.Л. Энтин) анализируются место и роль Европейского союза в международном пространстве как коллективного, принципиально нового игрока глобального управления. В ходе детального анализа раскрываются отличительные особенности и специфика ЕС как политического института, его внутренняя структура и система внешних связей и механизмов взаимодействия с другими акторами международного пространства. Особое внимание уделено таким характеристикам, как отсутствие территориальных границ и неоднородность суверенных государств, входящих в состав ЕС. Раскрываются факторы, обеспечивающие сплоченность государств – членов ЕС, прежде всего верховенство права, политическая культура солидарности, механизмы совместного управления суверенитетом. Анализируются правовая и институциональная специфика организации внешней деятельности ЕС, а также особенности его позиционирования на международной арене. Дается оценка будущего развития и укрепления влияния ЕС на формирование глобальной повестки дня, глобальное развитие и решение текущих международных проблем.

В главе 9 (М.В. Ларионова) представлен анализ итогов двух саммитов «Группы двадцати» и вклада ЕС в достигнутые результаты. Анализ участия, вклада ЕС и стран – членов ЕС в подготовку и достижения двух прошедших саммитов позволяет выявить некоторые «сдер-

живающие факторы» развития внутриевропейской институциональной архитектуры, влияющие на качество и уровень эффективности участия ЕС в реализации функций глобального управления через деятельность «двадцатки». Качество, устойчивость и последовательность, которые может обеспечить институт постоянного президентства, значат больше, чем усилия по координации и обеспечению преемственности трех председательств. Эта устойчивость, по мнению автора, имеет значение не только для выработки согласия с партнерами ЕС, но и для формирования консенсуса внутри ЕС как условия эффективной общей внешней политики. Обращается внимание, что в рамках подготовки вашингтонского саммита были безусловны лидерство и вклад президентства и Европейской комиссии, тогда как в ходе подготовки лондонского саммита роль и вклад председательствования значительно уступали роли институтов ЕС, Европейской комиссии (президент), Совета по экономике и финансам, Совета по общим вопросам и внешней политике, Группы высокого уровня, а также роли лидеров Германии, Франции, Италии (в силу председательствования в «восьмерке»); вкладу формальных и неформальных саммитов. Предлагаются аргументы в пользу постоянного института президента ЕС. Ратификация Лиссабонского договора, эффективный постоянный президент и министр иностранных дел создадут новый институциональный фундамент для вызовов будущего.

В третьей части монографии представлены важные примеры глобального управления с точки зрения вклада Европейского союза в эти процессы.

В главе 10 (Дж.Дж. Киртон, В.В. Панова) рассматривается последний этап энергетической активности «Группы восьми» и Хайлигендаммского процесса («Группа восьми» и «Группа пяти») с целью проанализировать риски для дальнейшего устойчивого энергетического и экономического развития и усовершенствовать предложения по исполнению обязательств «Группы восьми» по энергетике и проблеме климата.

В главе 11 (Дж.Дж. Киртон) анализируется вклад «Группы восьми» в преодоление многочисленных, как правило, глобальных финансовых кризисов, начиная с момента ее создания в 1975 г. Особое внимание уделяется эволюции роли Европейского союза как глобального игрока в процессе выработки региональных и международных мер по преодолению финансовых и экономических кризисов.

В главе 12 (В.А. Картамышев) анализируется политика ЕС в области содействия развитию за последние 10 лет. Подчеркивается лидирующая роль ЕС в предоставлении многосторонней, высококачественной помощи, направленной на искоренение бедности и достижение странами-реципиентами «Целей развития тысячелетия». Рассматриваются различные аспекты политики ЕС в области содействия развитию: ОПР (официальная помощь развитию), бюджетная поддержка, помощь в целях содействия торговле и т.д. Также рассматриваются проблемы, которые ЕС необходимо решить для того, чтобы продолжать играть эту важную роль в текущей неблагоприятной экономической ситуации, а также предлагаются некоторые рекомендации по повышению эффективности реализации политики в области содействия развитию.

В главе 13 (С.А. Медведев, И.А. Томашов) рассматриваются международный мир и безопасность, являющиеся одними из наиболее значимых глобальных общественных благ, без обеспечения которых невозможно появление условий для устойчивого развития. Вместе с тем сотрудничество в этой сфере зачастую ограничивается «минимальным общим знаменателем» взаимного сдерживания и подавления конфликтов. Новые возможности открываются в связи с более активной деятельностью ЕС и «Группы восьми». Анализируются проблемы и противоречия, связанные с обеспечением международного мира и безопасности, а также история и перспективы развития общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

Исследовательский интерес авторов главы 14 (С.А. Медведев, И.А. Томашов) сосредоточен на возрастающей роли знаний для развития современных обществ. В главе раскрываются проблемы международного сотрудничества в области образования, особое внимание уделяется инициативам и проектам «Группы восьми» и Европейского союза. Выработке новых подходов к их решению может способствовать анализ знаний и образования как глобальных общественных благ.

Четвертая часть монографии посвящена результатам анализа динамики лидерства и моделей партнерства в сфере глобального управления.

В главе 15 (В.Н. Зуев) рассматривается возможность применения механизма Европейского союза в качестве модели для развития глобальных институтов. Подчеркивая уникальность интеграционного

механизма ЕС, опирающегося на использование механизма принятия решений, при котором учитываются интересы разных по величине и политическому весу стран-членов, автор раскрывает базовые принципы действия данного механизма. Анализируются возможные варианты внедрения некоторых элементов ЕС в практику ведущих международных организаций. Оцениваются негативные и положительные последствия от формирования, использования и укрепления наднациональных элементов в международном регулировании, прежде всего в экономической сфере. Поднимается вопрос о том, какие формы международного экономического регулирования в рамках международных организаций наиболее эффективны – традиционные межгосударственные или наднациональные. Раскрываются причины популярности ЕС как организации среди европейских стран.

В главе 16 (М.В. Ларионова, М.Р. Рахмангулов) представлены данные эмпирического исследования вклада Европейского союза в процессы глобального управления, прежде всего оценки роли ЕС в «Группе восьми». На основе методологии функционального и количественного анализа документов оцениваются ключевые приоритеты и функции обоих институтов. Результаты исследования представлены по четырем основным блокам: вклад ЕС в определение приоритетов глобальной повестки дня, выполнение функций глобального управления, формирование общих ценностей, а также интенсивность взаимодействия с международными организациями. Авторы определяют возрастающую конгруэнтность динамики дискурса по большинству направлений, прежде всего по политическим вопросам и проблемам безопасности, экономике и торговле, энергетической политике, а также по новым вопросам – образования, науки и инноваций. Тем не менее отмечаются явные различия в расстановке приоритетов в обоих институтах. Абсолютные данные кумулятивных показателей, приведенные в данной главе, подтверждают предположение о влиянии изменений во внутривнутриполитических и институциональных процессах ЕС на изменение отношений вклада ЕС и «Группы восьми» в формирование глобальных процессов по приоритетным направлениям политики. Авторы доказывают, что вклад ЕС в глобальное управление увеличивается по всем функциям. ЕС лидирует по уровню интенсивности дискурса и по уровню исполнения принятых решений, влияя на формирование консенсуса

и уровень исполнения обязательств, принятых на саммитах «Группы восьми». Наблюдается усиление влияния ЕС на осуществление функций определения направлений коллективных действий и развитие глобального управления через выполнение функций глобального управления ЕС по приоритетным направлениям политики. Полученные результаты позволяют авторам сделать вывод о том, что ЕС осуществляет значительный вклад в консолидацию общей системы ценностей и ее трансформацию. Динамика данных по всем направлениям анализа подтверждает, что председательство страны – члена ЕС в «Группе восьми» составляет безусловный ресурс влияния ЕС на формирование дискурса и реализацию функций глобального управления.

Обращаясь к перспективам роли ЕС в «Группе восьми» в будущем, авторы главы 17 (О.Н. Барабанов, М.Л. Энтин) предлагают четыре сценария будущего мирового развития, где отдельное изучение роли ЕС в «Группе восьми» оказывается возможным. Представлены четыре модели ЕС в «Группе восьми»: 1) бескризисной глобализации и единой глобальной политики, 2) инерционной глобализации, 3) конфликтной глобализации и 4) кризиса глобализации.

Авторский коллектив надеется, что настоящая монография внесет вклад в современные исследования по изучению ЕС как ключевого игрока, его роли в процессах глобального управления и мирового развития, и окажется интересной для чтения. Книга призвана служить справочным и аналитическим материалом для ученых, исследователей, студентов и аспирантов в области политологии, экономики, права, других дисциплин. Она может быть полезна представителям государственных органов власти, финансовых институтов, научных библиотек, СМИ, а также заинтересованной общественности.

М.В. Ларионова

ЧАСТЬ I

Определение теоретических подходов

Глава 2

Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы

Введение

Термин «глобальное управление» (global governance) оказался в фокусе широких научных дискуссий главным образом благодаря деятельности В. Брандта и его коллег из Комиссии ООН по глобальному управлению, созданной с целью поиска решения глобальных проблем человечества: загрязнения окружающей среды, бедности, распространения инфекционных заболеваний и пр. В 1995 г. комиссия подготовила доклад «Наше глобальное соседство» (Our global neighborhood). В докладе в качестве обоснования необходимости глобального управления указывается на то, что его развитие является частью эволюции человеческих усилий в деле разумной организации жизни на планете, и этот процесс будет продолжаться всегда [237]. Необходимость построения глобального управления в мире основана на убеждении, что человечеству после эпохи глобальных войн и глобального противостояния предоставляется уникальный шанс принять «глобальную гражданскую этику», которая должна базироваться на совокупности основополагающих ценностей, способных объединить людей всех культурных, политических, религиозных и философских воззрений. Отмечается также, что управление должно быть основано на демократических принципах и осуществляться в соответствии с установленными правовыми нормами, обязательными для всех без исключения.

Определение глобального управления

Существует несколько определений понятия «глобальное управление». До его появления существовал другой термин – «глобальное правительство». Различия между этими понятиями детально проанализировал Дж. Розенау [244, 245]. Дело в том, что в английском языке термины «government» (правительство) и «governance» (управление) обозначают системы правления, регуляционные механизмы, с помощью которых осуществляется власть, направленная на сохранение единства определенной политической системы и реализацию намеченных целей. Отличие состоит в том, что под *правительством* обычно понимаются определенные *структуры*, в то время как под *управлением* подразумеваются некие *социальные функции и процессы*. Управлять, таким образом, значит осуществлять власть. А иметь власть – значит иметь признание со стороны тех, на кого распространяется эта власть. Отсюда следует еще одно различие. У правительств власть зиждется на определенных конституционных положениях, указах, распоряжениях и прочих официальных документах. Что же касается управления, то власть здесь ассоциируется с процессами, возникшими в результате повторяющихся практик, имеющих властную природу, но в то же время не обязательно конституционно оформленных. В этом состоит главное преимущество систем правления, основой которых является правительство как гарант обеспечения процесса регулирования. В случае управления гарантий выполнения обязательств, как правило, нет. В этом и заключается основная трудность реализации глобального управления.

А. Наджам, профессор Бостонского университета и Флетчеровской школы права и дипломатии, предлагает следующее определение глобального управления: «...управление глобальными процессами в отсутствие глобального правительства» [335]. Оно вполне справедливо, если иметь в виду разграничение терминов «правительство» и «управление», тщательно проанализированное Дж. Розенау.

Т. Вайсс определяет глобальное управление как коллективные усилия с целью обнаружения, дальнейшего изучения или решения мировых проблем, выходящих за рамки возможностей их решения на государственном уровне [334].

«Глобальное управление» – это не нормативный термин, определяющий качественную оценку его проявления. Его, скорее, сле-

дует относить к конкретным договоренностям кооперативного характера, направленным на решение конкретных задач. Такие договоренности могут быть формально закрепленными в виде законов или официально признанных институтов, которые способны решать общие проблемы с помощью разнообразных акторов (государств, межправительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, частных структур или представителей гражданского общества, отдельных частных лиц), но могут быть и неформальными (в случае осуществления определенных сложившихся практик) либо с ограниченным сроком действия (в случае создания коалиций).

Таким образом, можно согласиться с обобщенным определением глобального управления, предложенным Т. Вайссом и Р. Такуром в работе «ООН и глобальное управление: идея и перспективы ее воплощения»: «Глобальное управление — это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих между и распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан и организации, как межправительственные, так и неправительственные, посредством которых на глобальном уровне определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры» [254].

Основные концепции глобального управления

К настоящему времени в мировой политической мысли сформировалось несколько различных концепций организации глобального регулирования. Одни предлагают создавать более актуальные институты, соответствующие глобальным процессам. Другие высказываются за реформирование уже существующих международных институтов, наделяние их более широким кругом полномочий.

Существует и еще один возможный вариант — неинституционализированное политическое управление глобальными процессами. Оно может выражаться как в форме глобального консенсуса демократических стран, так и в форме одностороннего глобального доминирования ведущей державы. В свете недавних событий (фактически одностороннее решение США о проведении военной операции в Ираке, несмотря на отсутствие официального мандата Совета Безопасности ООН) наиболее вероятным оказывается вариант «домини-

рования ведущей державы», т.е. США. Идею «однополярного» мира поддерживает ряд политологов, ориентированных на концепцию политического реализма, среди которых бывший государственный секретарь США З. Бжезинский, выделивший четыре основных направления, в которых лидируют США: военно-политическое, экономическое, технологическое и массовая культура.

Примечательно, что сторонники «американской гегемонии» в глобальном управлении иногда ссылаются на теорию «гегемонистской стабильности».

В исследованиях, выполненных в русле международной политической экономики, изучалась взаимосвязь стабильности экономического режима и наличия некоего государства-лидера. По мнению исследователей, при существовании государства-гегемона устанавливается стабильный экономический режим, так как лидер выработывает правила и нормы поведения, принимаемые другими участниками.

Как и предыдущие подходы, идея гегемонии США вызывает большое число критических откликов. Дж. Най в своей книге «Парадоксы американской мощи: почему единственная мировая держава не может действовать в одиночку» [235], вышедшей в свет в 2002 г., убедительно демонстрирует невозможность реализации данного подхода. Главный аргумент автора сводится к тому, что в современном мире нельзя не учитывать цели, интересы и активность других акторов международной жизни.

С другой стороны, Д. Месснер в работе «Архитектура мирового порядка» выделяет шесть измерений глобального управления [266]:

1) *полицентричность архитектуры глобального управления*: политика основывается на коллективных процессах поиска решений и взаимопонимании правительств стран-участников, т.е. априори базируется на системе «поделенных суверенитетов»;

2) *разнообразие акторов*: государства сохраняют за собой монополию на закрепление и проведение тех или иных политических курсов, однако частные акторы играют все более весомую роль на этапах определения проблемы, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения (например, сбор данных, проведение мониторинга, работа в частнообщественных институтах);

3) *многообразие форм международного сотрудничества*: глобальное управление осуществляется на основе коллективного определе-

ния и разрешения проблем. Предполагается сотрудничество между общественным и частным сектором; международные организации в архитектуре глобального управления могут осуществлять координирующие функции и содействовать выработке глобальных способов рассмотрения и восприятия проблем, благодаря чему возможна коррекция национальной ограниченности других игроков;

4) *асимметричность глобального управления*: глобальное управление находится на пересечении национальных интересов, властных отношений и необходимости совместного решения проблем; необходимы совместные усилия для решения проблем, выходящих за рамки отдельных государств;

5) *максимальная многосторонность и многоуровневость*: привлечение возможно большего количества участников глобального управления, а также многоуровневая политика архитектуры глобального управления (локальный – национальный – региональный – межрегиональный и международный – глобальный);

6) *решительная трансформация политики и инновационная институционализация*: институциональные и процедурные реформы на различных уровнях, цель которых заключается в адаптации институтов управления отдельных государств к новым реалиям, превращении существующей системы глобального управления в жизнеспособную и эффективную.

Принимая во внимание многообразие подходов к определению понятия «глобальное управление», представляется рациональным руководствоваться тем или теми, которые в наибольшей степени учитывают реалии трансформирующейся мировой политической системы, процессы, которыми эта трансформация сопровождается, а также действия акторов, участвующих в этих процессах.

Позиции основных теоретических школ по отношению к глобальному управлению

Глобальное управление – одна из наиболее обсуждаемых тем мировой политики. Причем споры ведутся не только о возможностях практического воплощения этой идеи, но и на уровне теоретического осмысления данного явления. В связи с этим представляется уместным остановиться более подробно на том, как различные теоретические школы интерпретируют это явление.

Для большей наглядности проведем анализ интерпретации понятия «глобальное управление» в рамках двух направлений — *реализма* и *интернационального либерализма* — как наиболее авторитетных и по большей части противоположных.

Реализм

Политический реализм является старейшим направлением в изучении международных отношений, предтечами которого считаются Фукидид, Н. Макиавелли и Т. Гоббс. Среди современных представителей этой школы Р. Гилпин (R. Gilpin) в своей работе «Взгляд реалистической школы на международное управление» отмечает Х. Булла (H. Bull), Е.Х. Карра (E.H. Carr), Г. Моргентау (H. Morgenthau), Р. Нибура (R. Niebuhr), К. Уолца (K. Waltz) и М. Вайта (M. Wight) [184]. Реализм (так же, как и либерализм, и марксизм), по мнению Гилпина, в большей мере определенная философская позиция, нежели научная теория в чистом виде. Следовательно, такую позицию нельзя подвергнуть эмпирическому анализу, а значит, нельзя доказать, что она является верной или ложной.

Позиция реалистов базируется на следующих представлениях:

- система международных отношений представляет собой анархию, верховной политической власти не существует;
- государство суверенно и не подчиняется какой-либо высшей светской власти;
- государства как важнейшие акторы международных отношений сотрудничают друг с другом, создают международные организации, но только в тех областях, в которых их интересы совпадают;
- в международных отношениях государства руководствуются принципами соблюдения национального интереса и обеспечения национальной безопасности;
- одним из основных понятий, определяющих роль государства в международных отношениях, являются отношения власти (преимущественно военной, но также экономической, психологической и др.).

Таким образом, в сегодняшнем мире, по мнению представителей реалистического направления, государствам приходится «всегда быть начеку в свете реальных или вероятных угроз их политической

или экономической независимости» [184], а глобальная система, по образному выражению К. Уолца, функционирует по принципу «помоги себе сам» (self-help international system) [253].

Что касается участников международных отношений, то реалисты, как отмечалось выше, считают государство главным актором на мировой политической арене, хотя при этом признают важность и других «игроков», таких как Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ). Но это касается неореалистов, а не приверженцев традиционной парадигмы, в рамках которой государства признаются вообще единственными акторами, реально влияющими на политический процесс. И все же, что касается принятия важнейших решений, то господство государства у реалистов (и неореалистов) не вызывает сомнений.

Процессы глобализации, наиболее очевидные в экономической сфере, реалисты объясняют не с позиции «размывания» государств и преобразования мира в единую экономику, а все с тех же позиций соблюдения национального интереса каждого отдельного государства, в том смысле, что на данном этапе выгоднее политика интеграции, но совершенно не обязательно, что так будет всегда.

С другой стороны, реалисты признают влияние транснациональных корпораций (ТНК) и неправительственных правозащитных организаций (НПО) и даже заявляют о том, что государства, возможно, не будут существовать всегда. Такое мнение, в частности, высказывает Р. Гилпин. Ведь государства создавались для решения определенных задач, а именно были призваны обеспечить стабильность и порядок, а граждане, в обмен на эти блага, признавали власть своих государств и обещали подчиняться их законам. Следуя этой логике, если государства на определенном этапе перестанут решать задачи, которые перед ними ставят граждане, они исчезнут. Другое дело, что такое развитие событий, с точки зрения реалистов, во всяком случае в ближайшей перспективе, представляется маловероятным.

По сути, реалисты скептически оценивают возможность глобального управления в системе международных отношений. В то же время они отмечают прогресс в управлении мировой экономикой и полагают, что если и будет создан механизм глобального управления, то произойдет это именно в экономической сфере.

Тем не менее представители школы реализма, признавая важную роль мировой торговли, деятельность ТНК в создании большего по-

рядка в современных международных экономических отношениях считают явно недостаточной, полагая, что им не удастся переломить изначально анархичное устройство мира. Они не смогли создать наднациональных органов власти, которые бы управляли поведением эгоцентричных государств. «И если эффективный механизм глобального управления в сфере экономики так и не был выработан, то что говорить о перспективах наведения порядка в куда более сложных областях мировой политики» [184], — отмечает Р. Гилпин.

По мнению реалистов, существуют три основные функции управления, которые по-прежнему принадлежат исключительно государствам: 1) выпуск национальной валюты, 2) функция налогообложения и 3) обеспечение государственной и индивидуальной безопасности. Сразу возникает вопрос о единой валюте Европейского союза. Доводы реалистов сводятся к следующему: евро — пока единственный пример передачи полномочий по чеканке монеты наднациональному органу и о результатах этого эксперимента говорить преждевременно. Кроме того, ЕС понадобится большая политическая интеграция, чтобы евро был достаточно стабилен. В свете проблем с принятием общей Конституции ЕС последний аргумент является особенно спорным.

По мнению реалистов, реализации глобального управления препятствуют три непреодолимые, с их точки зрения, проблемы:

- *«проблема власти»*: реалисты настаивают на том, что любое правительство и любая система управления нуждаются в эффективном механизме контроля, чтобы предотвратить злоупотребление властью [171];
- *«проблема мирных перемен»*: каждая система управления должна иметь социальную, политическую и экономическую основу, но изменения в структуре сложившихся отношений власти все равно будут происходить, поэтому необходимо включить в систему глобального управления механизм обеспечения «мирных перемен» [172];
- *«проблема предназначения глобального управления»*: необходимо четкое определение социальных, политических и экономических причин, оправдывающих целесообразность формирования глобального управления.

И все же, несмотря на явную сдержанность в отношении перспектив глобального управления, нельзя сказать, что реалисты абсо-

лютно отвергают концепцию как таковую. Конечно, очевиден скептицизм, который школа политического реализма объясняет преимущественно отсутствием возможности 1) эффективного, 2) справедливого (или демократического) глобального управления и, самое главное, 3) четкого определения задач глобального управления на современном этапе.

Либеральный интернационализм

Либеральный интернационализм объединяет два направления: либерализм и интернационализм. Либерализм ставит целью определение условий реализации политической свободы и либерального правительства, тогда как интернационализм связан с идеей распространения транснациональной (или глобальной) солидарности и интернационального правительства. Одно направление не обязательно подразумевает другое. Так, например, либералы ратуют за ограниченное правительство, а интернационалисты – за расширение полномочий правительства в сфере международных отношений.

Несмотря на противоречия, существующие внутри рассматриваемого направления, либеральный интернационализм, появившийся еще в начале XIX столетия благодаря Т. Пейну, И. Канту, А. Смитту, Дж. Бенхаму и Дж. Миллю, после окончания «холодной войны» пережил второе рождение. Сегодня наиболее авторитетными представителями этой школы являются М. Дойль (M. Doyle), М. Говард (M. Howard), Р. Кохэн (R. Keohane), В. Хантли (W. Huntley), Д. Дьюдни (D. Deudney), Дж. Икенберри (G. Ikenberry), Дж. Розенау (J. Rosenau), Т. Вайсс (T. Weiss), Н. Вудс (N. Woods) и др.

По сути, это направление является своего рода антиподом политического реализма, причем не только в том, что касается объяснения миропорядка, но и в понимании того, каким он должен быть. Достижение максимально возможной свободы человека – главная цель либерального интернационализма, но достичь ее можно лишь в условиях отсутствия войны и предпосылок к ее возникновению. А поскольку конфликты и войны являются неотъемлемой частью существующей системы, в рамках которой суверенные государства стремятся максимизировать власть, обстоятельства, необходимые для реализации человеческой свободы, могут возникнуть лишь при усло-

вии «управления или выхода за пределы принципа политики с позиции силы» (governance or transcendence of power politics). Этот довод подкрепляется четырьмя основными положениями [232]:

1) рациональная политика является необходимым условием эффективного управления международными отношениями;

2) международное сотрудничество, как с рациональной, так и этической точки зрения, предпочтительнее положения конфликта: растущая материальная взаимозависимость государств обуславливает необходимость международного регулирования;

3) международные организации способствуют распространению мира и стабильности, усмиряя более сильные государства путем создания международных норм и новых правил проведения многосторонней политики; кроме того, они имеют необходимые инструменты предотвращения или управления межгосударственными конфликтами;

4) в мировой политике прогресс возможен лишь тогда, когда принцип политики с позиции силы не будет рассматриваться в качестве обязательного условия поддержания межгосударственного порядка: этот принцип может быть значительно ослаблен либо полностью преодолен по мере проведения постепенной реформы или «одомашнивания» международных отношений (правовое государство, всеобщие права человека и т.д.).

Либералы верят в силу человеческого разума. Войны между государствами одни из них объясняют несовершенством отдельных внутригосударственных систем. Речь идет об авторитарных режимах с присущей им централизацией власти, секретностью, отсутствием гражданского общества и т.д. (И. Кант, Дж. Милль, Т. Пейн). Другие ссылаются на меркантилистскую организацию экономики, которая способствовала развязыванию войн с целью экономической выгоды (А. Смит, Р. Кобден). Отсюда классики либерализма сделали вывод (и это относится к обоим подходам): чтобы способствовать предотвращению войн, следует прежде всего провести реорганизацию внутри государств, а не всего международного сообщества. Так, Кант считал, что если правительства будут подчинены воле общественного мнения, то войн удастся избежать, поскольку война вряд ли найдет поддержку у населения. Но, несмотря на то что акцент был сделан на необходимости проведения реформ внутри государств, Кант и Бентам отмечают важность международного права, установления

«космополитического права», направленного на обеспечение мира путем определения прав и обязанностей граждан и государств в рамках «конфедерации государств», где устанавливается отказ участвующих государств от политики войны. Многие аналитики определили такое предложение Канта как предтечу современных систем коллективной безопасности. По мере усиления взаимозависимости государств, укрепления демократии, воплощения в жизнь мира и стабильности другие государства, по мнению Канта, «подхватят» эту тенденцию, что и приведет к «вечному миру». Однако другой представитель либерализма – Бентам – создание мирового правительства не считает обязательным условием. Напротив, он полагает, что «мирового правительства должно быть как можно меньше» [193].

Тем не менее со времен Бентама споры о том, каким либеральный интернационализм видит глобальное управление, продолжились. В период между мировыми войнами было пересмотрено отношение ко вторжению во внутренние дела государства (*state intervention*) как к допустимой мере воздействия. В связи с успехом международных организаций, созданных в XIX в. (Международного телеграфного союза и Всемирного почтового союза), новое течение в либерализме высказывалось за создание некой формы международного управления при наделении этого органа соответствующими властными полномочиями, призванной «навязывать мир» (*to enforce peace*). Выдвигалось много предложений по поводу устройства этого всемирного международного органа. Назовем самые заметные:

а) создание мировой федерации или конфедерации, предполагающее наличие мирового правительства, наделенного наднациональной властью;

б) создание децентрализованной и плюралистической системы международного управления в традициях функционализма;

в) создание системы более широкого международного сотрудничества и коллективной безопасности (в духе Лиги Наций).

Очевидно, что первые два из трех названных предложений устройства глобального управления изначально были невыполнимыми в силу явных противоречий, существовавших (и продолжающих существовать) между государствами (и другими акторами мировой политики). Достигнуть согласия всех участников на объединение во всеобщую конфедерацию, а тем более создать зрелую демократиче-

скую децентрализованную систему глобального управления на том этапе (как и сегодня) было нереально.

Третье предложение выглядело более реалистичным. В. Вильсон, идеолог либерализма первой половины XX в. и сторонник этой идеи, полагал, что установление справедливого миропорядка возможно при соблюдении двух условий: 1) распространения демократии и 2) создания демократичной системы коллективной безопасности в виде Лиги Наций как первого большого эксперимента в области современного глобального управления. Главной целью организации было выяснение всех конфликтных ситуаций посредством диалога, без применения силы, а также при соблюдении принципа равенства государств. Лига Наций содержала элементы предложенной Кантом «конфедерации государств с республиканской формой правления» (Confederation of republican states) и предложенный Бенхамом «Общий Верховный Суд» (Common Court of Abjudication) для урегулирования споров между государствами.

Несмотря на то что первый в истории эксперимент глобального регулирования во главе с Лигой Наций провалился, либеральный интернационализм не канул в Лету, а архитекторы послевоенного мироустройства не разуверились в реализуемости идеи управления на глобальном уровне. Интересно замечание Э. Макгру (A. McGrew) о том, что создание ООН и большого числа его специализированных учреждений, включая институты Бреттон-Вудской системы, отражало стремление США как либерального гегемона установить либеральный миропорядок, где бы процветали демократия и капитализм. Парадоксально, но оказалось, что такое развитие событий подрывало базовые принципы либерально-интернационалистической школы, поскольку это практически подтверждает известный довод реалистов о том, что международное управление в лучшем случае может существовать только при одобрении доминирующего государства, а в худшем — оно бы было просто инструментом выполнения интересов такого государства [232].

Как отмечалось ранее, настоящим «подарком» для либералов-интернационалистов стал конец XX в. с завершением «холодной войны», третьей волной демократизации и растущими темпами глобализации. Тогда же была пересмотрена и логика международного сотрудничества. Современный этап развития данной теоретической школы представляют четыре течения:

1) *Либеральный институционализм*. Признавая, что США как гегемон современного мира могли способствовать развитию международного сотрудничества, Р. Кохен, представитель данного течения, не согласен с тем, что продолжающийся на протяжении послевоенного периода (и усугубившийся после окончания «холодной войны») процесс многостороннего сотрудничества объясняется исключительно ролью США. Настоящей причиной международного сотрудничества он считает наличие конфликта, так как если бы в международных отношениях существовала гармония, то сотрудничество не понадобилось бы. А международные организации в рамках данного направления «не расшатывают власть государств, а, скорее, наделяют их большей властью», так как участие государств в международных организациях представляется выгодным, прежде всего для самих государств [203].

2) *Структурный либерализм*. Причина многостороннего сотрудничества в послевоенный период – либеральный характер гегемона мировой политики – США. Благодаря США система современного глобального управления представляется как либеральная. При этом существуют предпосылки достижения состояния более стабильного мира путем увеличения числа демократических государств.

3) *Либеральный реформизм*. Главная задача мировой политики – устранить основные недостатки существующей системы глобального управления (доминирование наиболее сильных государств в формировании международных институтов, «дефицит демократии», отсутствие контроля за процессом формирования общественного мнения и др.) [46] и выработать необходимые условия для создания более эффективного и легитимного глобального управления, т.е. обеспечить демократический характер управления на всех уровнях «путем применения принудительного права как на национальном уровне, так и в рамках “глобального соседства”» [19].

4) *Либеральный космополитизм*. Важнейшая задача – обеспечение справедливости в глобальном управлении, которое в своем современном состоянии представляется несправедливым, поскольку «закрепляет существующее глобальное неравенство, а следовательно, и глобальную несправедливость; поэтому необходимо провести перераспределение благ от богатых к бедным» [278].

Таким образом, либеральный интернационализм является достаточно разрозненным направлением и представляет собой, по мне-

нию Мэйсона, «мнимое интеллектуальное единство при настоящем теоретическом плюрализме» [231].

Тем не менее это не значит, что либеральный интернационализм переживает кризис. Разумеется, противоречия существуют. Во-первых, по поводу того, считать ли государство барьером на пути к созданию подлинного либерального миропорядка или оно является одной из составляющих миропорядка [293]. Во-вторых, нет единства в вопросе о том, будут ли соединены или разделены экономическая и политическая сферы в условиях новой системы либерального глобального порядка. Имеют место и более глубокие противоречия: в чьих интересах будет осуществляться глобальное управление и какие цели преследовать. И наконец, в-третьих, уже довольно давно идут дебаты внутри либеральной политической теории о том, в какой форме должно существовать глобальное управление: должно ли оно проявлять максимальное участие или, напротив, проводить политику «минимального управления».

Трудно переоценить вклад либерального интернационализма в теоретическое осмысление происходящих в мире перемен. Однако именно за идеологическое наполнение и чрезмерное моделирование (и теоретизирование) либеральный интернационализм и подвергается критике, особенно со стороны представителей школы политического реализма и марксизма. Обвиняют его в том числе и в искажении данных о действительных источниках власти в мировой политике, и даже лицемерии по поводу возможности демократического глобального управления.

Тем не менее либеральный интернационализм остается влиятельным направлением политической мысли и, пожалуй, основным в изучении глобального управления. Нельзя преуменьшать его очевидные достоинства. Эта теоретическая школа первой всерьез приняла в расчет идею проведения политики и управления вне рамок государства, причем представила глубокий анализ природы, формы логики и недостатков современной системы глобального управления и возможности реализации подлинного глобального управления.

В то же время очевидны два серьезных недостатка: явная разобщенность объяснительной и нормативной базы, а также противоречие между присущим этому направлению этическим радикализмом и институциональным консерватизмом, или даже агностицизмом,

имея в виду отношение к своей теории, как к «лучшей институциональной структуре в изучении международной политики» [272].

Сегодня перед либеральным интернационализмом стоят две основные задачи: соединить объяснительную базу с довольно радикальной этической базой и, в той или иной степени, «примирить» все течения, существующие в рамках данного направления, в единую структуру.

Что касается методического подхода к функционированию интеграционных объединений в мировой политике, то из двух базовых теорий — федералистской и функционалистской, очевидно, что обе изучаемые в рамках представляемого исследования структуры — и «Группа восьми», и Европейский союз, выросший из Европейского объединения угля и стали, следуют в своей практической эволюции логике функционалистского подхода. Поэтому именно с позиций функционализма и будет рассматриваться их взаимодействие в других главах монографии.

Научное издание

**Европейский союз и «Группа восьми»:
совместная ответственность за глобальное общественное благо**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *А.В. Заиченко*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Ю.Н. Петрина*

Корректор *А.В. Заиченко*

Подписано в печать 20.12.2010. Формат 60×88/16. Бумага офсетная № 1

Усл.-печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,5. Изд. № 1079

Государственный университет — Высшая школа экономики

125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0726-1

9 785759 807261